

УДК 94(47).042+94(476)

А.Н. Лобин¹

**Между Вильной и Москвой: западноевропейские
пушечные мастера в Восточной Европе (первая половина
XVI в.)²**

Русско-литовские войны; пушечное производство; литейщики; история артиллерии.

Соперники Восточной Европы – великие князья Литовские и русские государи – прилагали все усилия для того, чтобы привлечь известных европейских специалистов огнестрельного дела, не скупясь на высокое жалование. В то же время далеко не все пушечные мастера были довольны своим положением. В статье рассматриваются причины «отъездов» и побегов мастеров из Вильны и Москвы.

Развитие вооруженных сил в XV–XVII вв. было обусловлено развитием огнестрельного оружия, поэтому артиллерия в армии любого европейского государства справедливо занимала одно из главных мест. Произошедшая в Европе «пороховая революция» в корне изменила облик войн. Производство орудий на всем протяжении XV–XVII вв. являлось одним из важнейших государственных дел, так как оно было связано с важными элементами экономического развития государства. Артиллерия не просто олицетворяли собой символ военной мощи, но и являлась своего рода «двигателем прогресса», так как была связана не только с инженерным искусством и фортификацией, но и с ростом горной, пороходельческой, железоделательной и литейной промышленности.

С развитием огнестрельного оружия специалисты артиллерий-

---

¹ Лобин Алексей Николаевич, Государственный комплекс Дворец конгрессов Управления делами Президента РФ (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., alobin@mail.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м).

ского дела как в Литве, так и на Московской Руси, стали цениться очень высоко. Здесь необходимо подчеркнуть важное отличие в политике вербовки европейских мастеров в Литве и в России. В Великом княжестве Литовском были востребованы в основном пушкари, специалисты по огнестрельной стрельбе, а не литейные мастера. Это может объясняться тем фактом, что в Литве первый государственный пушечный завод заработал только в 1540-е гг. [12, s. 14]. До этого времени основное количество огнестрельных орудий, от тяжелых пушек до легких гаковниц, Литва закупала у Польши [20, p. 643-644]. Для их обслуживания привлекались наемники-пушкари из сопредельных областей Пруссии, Ливонии, Империи. Так, например, в декабре 1488 г. наместник смоленский передал властям Риги следующую просьбу: «про то ж просим ваше м(и)л(о)сти, абы ваша м(и)л(о)сть из(ъ)єднали нам шесть пушкаргов и до нас прислали, а мы им хочом от тог(о) плат платит(ъ) ещо надвышь, и где бы инде што мели от т[о]г(о) брати»³. В 1502 г. на войну с «московитами» в артиллерию были наняты начальник артиллерии Георгий (*Georgius pixidarius regius*) и 12 главных пушкарей (*magistri pixidarii*), носящих немецкие имена: Эрхард, Вайс Ганс, Никель Гульден, Волтан, Арнольд, Гарендор, Ларсель, Янек, Иероним Ринк, Михель Алиблер и два Йохана [14, s. 43]. Сохранились также единичные свидетельства о следовании наемных артиллеристов к месту службы (например, королевский лист о следовании пушкаря Амбросия в г. Каменец от 10 февраля 1515 г.) [14, s. 43–44].

Еще один документ 1520 г. дает понятие о некоторых обязанностях литовских пушкарей того времени. Киевский пушкарь Ян был обязан за суконное и денежное жалование (20 коп грошей в год) «з дел стреляти» и «пушкарскую службу нам служити», помимо этого он еще должен был изготавливать в больших количествах селитру и порох. Однако киевские власти задолжали пушкарю 95 коп грошей и суконного жалования за 6 лет, в связи с чем он просил увольнения со службы («бил намъ чолом, абыхмо ему тую службу казали заплатити и оттол зъ замку нашего Киевьского его спустили»). Компромиссное решение великого князя Литовского об увеличении жалования до 30 коп грошей показывает, как Сигизмунд I пытался удержать на службе в Киеве «пушкаря Яна» [21, s. 62].

В отличие от Литвы, в России более отдавали предпочтение специалистам широкого профиля – литейным мастерам, которые могли

---

³ *Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs. F. 673. Apr. 4 (K-19). Nr. 86.* На этот документ мне любезно указал к.и.н. С.В. Полехов, за что, пользуясь случаем, приношу ему благодарность.

как отливать орудия, так и обращаться с ними. С 1470-х гг. государь Иван III пригласил из Италии пушечных мастеров. Под руководством Аристотелем Фиоравенти (*Ridolfo Aristotele Fioravanti*), архитектора и инженера из Болоньи, в Москве был построен завод по литью орудий – «Пушечная изба» [6; 11].

Одними из последних итальянцев, приехавших в начале XVI в., следует назвать пушечных мастеров Варфоломее и Александро. О первом мастере известно из сообщения барона С. Герберштейна, где сообщается, что этот «*bombardarius*» был обласкан московским князем и позже принял русскую веру [2, с. 172]. По русским данным, в 1509 г. Варфоломей строил деревянную крепость в Дорогобуже [9, с. 43]. Другой мастер, Александро, упоминается в 1538 г. [1, № 140, с. 204].

Но уже к 1520-м гг. в связи с ослаблением русско-итальянских связей и началом активных русско-имперских контактов в Россию приезжают мастера из Германии и Империи. На место «фрязов» Аристотеля Фиоравенти, Джиакомо, Паоло де Боссо, Петра Фрязина, Барталамео и Александро к 1520-м гг. приходят немцы Стефан, Иоганн Иордан, Николай Оберакер, и другие.

Итальянский путешественник Павел Иовий в 1520-х гг. видел в Москве «множество медных пушек, литых итальянскими мастерами» («... *multaque aenca tormenta Italorum fabrorum artificio coflata, fuisque imposita curribus in arce Moschae uisuntur*» [19, р. 58]). Посол Священной Римской Империи Сигизмунд Герберштейн заметил среди работников военного завода пушечных литейщиков немцев и итальянцев [2, с. 117].

Европейские мастера прибывали в Москву либо в составе дипломатических миссий, либо морским путем. В 1513 г. из Любека император Священной Римской империи приказал направить в «Московию» «пехоту и орудия и несколько мастеров осадного дела, итальянцев и германцев, из Любека до Московии (*peditum et machinas oppugandarumque arcium homines peritos atque artifices, Italos ac Germanos, ex Lubeca per mare ad Moscoviam transmisit*) [10, t. II, № CXLIII, р. 142]. В 1517 г. из Инсбрука были приглашены пять мастеров, из которых один, итальянец, ослеп и вернулся до 1526 г., двое умерли, а еще двое успешно работали в России [2, с. 255].

Сложно сказать, какими мотивами и желаниями руководствовались мастера, выбирая такую малоизвестную для них страну как «Московия». По-видимому, русские дипломаты проявляли незаурядные способности на политическом поприще, ибо уговорами и богатыми дарами им удалось нанять значительное количество лучших

европейских мастеров и убедить их поехать в далекую неведомую им Москву, о которой в то время были весьма смутные представления. Многим мастерам приходилось пробираться через земли Ягеллонов, которые всячески препятствовали проникновению к враждебному соседу военных инженеров. В условиях продолжающихся войн 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522 гг. и коротких перемирий европейцам было практически невозможно проехать через земли Польши и Великого княжества Литовского.

Так, например, 18 мая 1511 г., по приграничным городам Короны польским королем Сигизмундом I были посланы инструкции, в которых комендантам Й. Головинскому и Я. Росновскому в Мариенбурге (Мальборке) специальной инструкцией предписывалось следить за новыми приезжающими людьми и не допускать проезда в Московию военных специалистов [10, t. I, № ССXXXIV, p. 188-189].

В истории русско-литовских отношений описаны случаи, когда мастера уходили от одного правителя к другому. Рассмотрим это явление на примере истории с «Петром Фрязином», который прибыл в Москву в 1494 г. из Италии вместе с посольством Эммануила Ангела и Данилы Мамырева [8, с. 238]. В источниках упоминаются работы этого мастера в 1501 (пищаль) и 1503 (350-пудовый колокол) гг. [4, с. 154].

Спустя некоторое время, очевидно недовольный московскими порядками, Петр Фрязин бежал в Литву. Но заказов в том масштабе, который был в Москве, у мастера не было, так как вся бронзовая артиллерия импортировалась из Польши. В Литве литейщик пушек Петр Фрязин оказался не востребованным, и при первой возможности он стал искать возможность вернуться в «Московию».

В 1510 г. торговый человек Микула Айдаров, приехав из Литвы, заявил в Москве, что захотел «ехать на государево имя Петр Молодой Пушечников Фрязин, да без опасные грамоты ехать не смеет для того, что он от государя с Москвы збежал безвестно». Так как великий князь Василий III нуждался в военных специалистах, опальный мастер был прощен: «И государь ему опасную грамоту послал...» [7, с. 110-111]. Отношение к мастерам «огнестрельного дела» здесь как нельзя кстати иллюстрируют переданные С. Герберштейном слова Василия III: «...Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» [2, с. 172].

История «творческих исканий» итальянского мастера перекликается с побегом другого «Петра Фрязина» – итальянца Петра ди Аннибале. В 1528 г. посольству Шарапа Лодыгина и Еремея Трусова в

Риме удалось завербовать артиллерийского специалиста. В дневниках сенатора Марино Сануто за февраль 1528 г. отмечено, что русским дипломатам в Равене приглянулся один бомбардир, и «Папа разрешил им взять его с собою» [16, р. 8]. Так в Москву прибыл еще один «Петр Фрязин» по прозвищу «Малый» – флорентиец Pietro di Annibale [17, р. 21-26]. Однако спустя десять лет работы в Москве Петр Аннибале сбежал в Ливонию. Сохранилось дело о побеге Петра Фрязина 1538 г., из которого можно заключить, что итальянца «к великому князю прислал Папа Римский послужити года три или четыре, а служил... **одиннадцать лет, а держал его князь великий силою** [выделено нами – *А.Л.*]». Между тем, из того же дела известно, что работая в Москве, он получал «жалованье великое» [1, № 140, с. 203-204].

Переходы мастеров от одного государя к другому продолжались и во второй половине XVI в. Примерно между 1554 и 1562 гг. (до истечения перемирия с ВКЛ) в Москве появился один из опытейших литовских мастеров по имени Богдан, отливший до этого в Литве несколько крупнокалиберных орудий [3, № 51, с. 296]. На московском Пушечном дворе Богдан сделал большое количество средних и мелких пищалей, оставив после себя несколько учеников, один из которых, некто «Пятой», упомянут на старом смоленском орудии⁴. В то же время в 1566 г. из-за гонений «от многихъ начальникъ, и священноначальникъ, и оучитель» из Москвы в Литву бежал первопечатник Иван Федоров, который не только мог печатать книги, но и отливать пушки [6, с. 200–202]. А в 1586 г. «выехал из Литвы» Анисим Михайлов Радишевский, впоследствии занявший на Московском Пушечном дворе должность «пушкарских дел мастера» [6, с. 117].

Интересен пример с другим артиллерийским специалистом – Николаем Оберакером. Ученик литейщика Йорга из Шпайера Николай Оберакер с 1498 г. стал известен в Империи как выдающийся мастер, который делал превосходные орудия и колокола. Так, по заказу городских властей Аугсбурга в 1502 г. отлил для арсенала 35 красивых больших орудий из латуни («35 schöne große Stück Geschütz aus Messing»), в том числе очень большие стволы калибром в 65 фунтов, два орудия 26 фунтовых, несколько длинных «шлангов», а также большую мортиру [13, s. 261-262].

Известны несколько работ мастера, колоколов и орудий, в Европе, датированных 1499, 1502, 1508, 1510, 1512, 1514, 1515, 1517,

---

⁴ *Thelott P.J.* Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Saxen och Pehlen // Armemuseum. AM 5373. Band 1. Fol. 72.

1518 гг. [18, s. 269]. В Россию Оберакер приехал не позднее 1518 г. (его колокол 1518 г. с автографом «а делаль Николай Иванов сынъ Обракрь от града Шпаера», ныне экспонируется в Нарвском замке). Некоторые подробности о деятельности в России Николая Оберакера содержатся в книге С. Герберштейна, где мастер назван «пушкарем» и «оружейным мастером», «родившимся на Рейне, недалеко от немецкого имперского города Шпайера». Посол отмечал, что в 1526 г. вместе с тремя другими мастерами Оберакер хотел уехать, «согласно их охранным грамотам. Государь отвечал, что помнит об этих грамотах и отпустит их, но не сейчас, ибо они ему нужны» [2, с. 255]. В 1532-1533 гг. в Москве Николай Оберакер отлил два колокола в 500 и 1000 пудов, и только после этого его отпустили домой. Известно, что в 1534 г. в Констанце он отлил колокол [15, s. 536]. По замечанию немецких и австрийских кампанологов четыре неподписанных колокола 1549-1570 гг., выдержанные в индивидуальной стилистике Оберакера, указывают на то, что у него были ученики [22, s. 11–112].

Приведенный пример свидетельствует, что европейские мастера все-таки имели возможность уехать к себе домой, несмотря на то, что московский государь неохотно расставался с пушечными литейщиками.

Таким образом, мастера «отъезжали» из Вильны и Москвы по разным причинам, установить которые мы на сегодняшний день не можем. Кто-то бежал из-за религиозного или уголовного преследований, кто-то из-за ущемления своих прав, кто-то из-за не соблюдения заказчиком контракта. В первой трети XVI в. в Литве основной проблемой пушкаря была задержка выплаты жалования из-за финансовых трудностей, которые периодически испытывала литовская казна. Даже высококлассный европейский литейный мастер был мало востребован в Литве по причине отсутствия государственной «людвисарни». В России же такого мастера ожидало достаточно высокое по европейским меркам жалование, но в то же время он был ограничен в свободе передвижения, и даже после истечения срока контракта ему было сложно покинуть страну.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб, 1841. Т. 1.
2. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.В. Назаренко. М., 1988.
3. ДАИ. СПб, 1853. Т. V.
4. *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905.
5. *Земцов С.М., Глазычев В.Л.* Аристотель Фьораванти. М., 1985.
6. *Немировский Е.Л.* Иван Федоров около 1510-1583. М., 1985.
7. Памятники истории Восточной Европы. Т. 2. М., 1997.

8. ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1907.
9. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
10. Acta Tomiciana. Posnanie. T. I, 1851; T.II, 1852.
11. *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912.
12. *Brensztejn M.* Zarys dziejow ludwisarstwa na ziemiach b. Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Wilno, 1924.
13. Chronica Der Weitberuempten Keyserlichen Freyen vnd deß H. Reichs Statt Augspurg in Schwaben. Franckfort-am-Mayn, 1595.
14. *Górski K.* Historya artyleryi polskiej. Warszawa, 1902.
15. Deutscher Glockenatlas Bd. II. Bayerisch-Schwaben / Bearb. von S. Thurm. Herausg. von G. Grundmann. München; Berlin, 1959.
16. I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI—MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. Venezia, 1897. T. XLVII.
17. *Kivimäe J.*, Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late 11. Medieval Russia and Livonia // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Historische Veröffentlichungen. Nr 52 [1996]. Wiesbaden 1996.
18. *Knoepfli A.* Kunstgeschichte des Bodenseeraumes. Teil: 2. Vom späten 14. bis zum frühen 17. Jahrhundert (=Bodenseebibliothek, Bd. 7). Frankfurt; Leipzig, 1969.
19. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. pontificem max. caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemei, aliorumque Geographiae scriptorum. Basileae, 1527.
20. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506-1539). Vilnius, 2011.
21. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440-1523). Vilnius, 1997.
22. *Thurm S.* Die ersten vier Bände des Deutschen Glockenatlas. Persönliche Erinnerungen und Ergebnisse einer vierzigjährigen Glockenforschung // Jahrbuch für Glockenkunde. Bd. 1-2 (1989/90). 1989.